

А. И. Илалутдинов

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОРМЫ ПРАВА

В статье проводится анализ нормативного конструирования, а именно процесса создания норм права. Автор выделяет два основных этапа построения нормы: этап формирования ее содержания и этап формализации разработанной модели в официально установленную форму права. Предлагается деление этапов на стадии, дается их характеристика. В статье также затрагиваются проблемы межэлементных связей нормы, отграничения нормы от нормативного правового предписания, искажения идеальной нормы и ее трансформации в реальную.

Ключевые слова: конструирование, структура, норма права, элементы, межэлементные связи, нормативное правовое предписание.

A. I. Ilalutdinov

CONSTRUCTION OF A RULE OF LAW

The article analyzes the normative construction, namely the process of creating rules of law. The author identifies two main stages of building a rule: formation of its content and formalization of the developed model into the fixed form of law. All stages are further sub-divided and are characterized separately. The article also focuses on the problems of inter-element connections of a rule, distinctions between a rule and a normative legal instruction, distortion of an ideal rule and its transformation into a real one.

Keywords: construction, structure, rule of law, elements, inter-element connections, normative legal instruction.

В современном правопорядке одним из ключевых факторов совершенствования практики российского нормотворчества становится теоретическое осмысление процесса конструирования нормы права как базового правового регулятора поведения субъектов. Предотвращение состояния правовой неопределенности, возникающее вследствие полного либо частичного отсутствия объективно необходимого звена в системе юридического воздействия на общественные отношения,¹ вызывает необходимость изучения составных частей нормы, а также процесса их соединения в эффективную функциональную единицу системы права.

Понятие нормативного конструирования не раз становилось предметом научно-правовых исследований. В теории права утвердилось его понимание как процесса построения нормы права.² Однако, несмотря на популярность такого подхода,

Илалутдинов Алмаз Ильгизович — аспирант, Институт экономики, управления и права, 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Московская, д. 42; ilalmaz@yandex.ru

Ilalutdinov Almaz Ilgizovich — postgraduate student of the Institute of Economics, Management and Law, 42, Moskovskaya str., Kazan, 420111, Russian Federation; ilalmaz@yandex.ru

¹ *Спектор Е. И.* Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Дис. ... к. ю. н. М., 2003. С. 7.

² *Панько К. К.* Проблемы технико-юридического конструирования отдельных уголовно-правовых норм // Правовая наука и реформа юридического образования. Сб. науч. трудов. Вып. 15. Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. Воронеж, 2003. С. 178–189; *Бокова И. Н., Борисова В. И.* Проблемы технико-юридического конструирования норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Конституционные основы уголовного права. Мат-лы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию УК РФ. М., 2006. С. 79–85; *Ляшева Ю. А.* Техничко-юридические аспекты конструирования правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 234–240.

в последнее время стали появляться попытки взглянуть на проблему несколько шире. Так, В. В. Чевычелов в своем диссертационном исследовании высказал мысль о необходимости внедрения концепции юридического конструирования, включающей в себя приемы и методы создания юридических конструкций, которые автор определил как средства правотворческой техники, заключающиеся в моделировании, определенном логическом построении нормативного материала. В качестве юридических конструкций В. В. Чевычелов предложил рассматривать правовые явления, имеющие определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности».³ К сожалению, последний признак не получил полного раскрытия в исследовании указанного автора; тем не менее ученый дал ряд важных определений юридической конструкции в целом. В частности предложено рассмотрение конструкции в качестве: 1) средства логического построения нормативного материала; 2) структурной модели представления; 3) системы взаимодействующих элементов, компонентов, которые могут образовывать подсистемы (стороны) конструкции.⁴

Как мы видим, юридические конструкции в указанной выше интерпретации не ограничиваются нормами права, и поэтому юридическое конструирование в данном случае выступает более сложной категорией, нежели ее сведение к процессу построения норм права. На сложный характер конструкции указывает и С. С. Алексеев, определяя ее как более высокий уровень технико-юридического выражения воли законодателя, отражающий характер (модель) связи между элементами и сторонами логических норм.⁵ Обратим внимание на то, что в позиции С. С. Алексеева просматривается связь элементов не одной нормы, а разных норм. Отсюда можно предположить, что юридическое конструирование как процесс построения юридических конструкций в понимании ученого охватывает конгломерат норм либо их элементов, имеющих единую идею и единую регулируемую направленность. Схожей позиции придерживается С. Н. Болдырев, рассматривающий технико-юридические конструкции как комплексы правовых средств, которые образуют типизированные модели, соответствующие своеобразной разновидности общественных отношений.⁶

Как отмечает М. Л. Давыдова, при исследовании юридических конструкций, в том числе юридического конструирования как профессионального приема юридической деятельности, можно выделить два наиболее крупных подхода, определяющих их сущность: доктринальный (конструирование как особая процедура юридического мышления) и правотворческий. Однако они вряд ли могут противопоставляться друг другу. Основное различие состоит в том, какая из этих сторон рассматривается в качестве главной, определяющей.⁷

Указанные выше позиции приводят нас к тому, что вопросы конструирования в праве носят неоднозначный характер и не сводятся только к построению норм в тексте закона. В связи с этим оговоримся: в настоящей статье применительно

³ Чевычелов В. В. Юридическая конструкция (проблемы теории и практики). Дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2005. С. 8–9.

⁴ Там же. С. 60, 63, 68.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 273.

⁶ Болдырев С. Н., Казарян К. В. Техничко-юридические конструкции в праве // Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 197.

⁷ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методология. Монография. Волгоград, 2009. С. 151.

к конструированию будут рассматриваться лишь те аспекты, которые касаются создания законодателем нормы как таковой. При этом исследование строится с позиции романо-германской правовой семьи.

Анализ научной литературы позволяет нам сделать вывод о том, что конструирование нормы права подразумевает процесс ее создания на основании определенной теоретической модели структуры. Полагаем, что при нормативном конструировании материализуются (приобретают, во-первых, воспринимаемую сознанием, во-вторых, официально принятую в государстве форму) доминирующие представления о структуре и системе нормы. Модель структуры начинает воплощаться в форме предписаний, т. е. отражается в тексте правового акта.

Поскольку конструирование так или иначе связано с воплощением идеальной «материи» в определенную знаковую форму — официальный письменный текст, то процесс создания нормы можно разделить на два крупных этапа, каждый из которых может быть подразделен на более конкретные стадии (действия) субъектов. Первый этап связан с созданием нормы в идеальной (абстрактной) форме, т. е. в виде некоей модели, которая в дальнейшем будет приниматься нормотворцем в официальном законодательно установленном порядке. Условно назовем этот этап формированием содержания будущей нормы. Второй этап основан на необходимости формализации разработанной модели поведения и придании ей юридической силы. Данный этап можно обозначить как процесс введения в действие нормы права. Полагаем, что предложенная дифференциация этапов позволяет учитывать особенности как структурного построения самой правовой информации, так и ее выражения в нормативном правовом акте.

Как нам кажется, процесс идеального (абстрактного) конструирования нормы в целом складывается из следующих стадий:

1) осмысление потребностей и интересов субъектов права, формирование модели поведенческого акта в конкретной ситуации с заданными условиями, проработка разнообразных видов воздействия на сознание и волю индивидов (мотивационное, превентивное и т. д.), определение механизма и способа доведения правовой информации до субъектов права через призму системных представлений о механизме (порядке) правового регулирования схожих общественных отношений;

2) анализ и обобщение имеющейся правовой информации по тематике конструируемых норм, выявление закономерностей взаимодействий (корреспонденции поведения) субъектов друг с другом в рамках требующего регулирования общественного отношения, выработка суждений о вариантах поведения (обобщение существующих подходов);

3) формирование оптимальной модели поведения на основании представлений о структуре нормы как таковой.

Последняя стадия может быть разделена на несколько конкретных действий субъектов.

Прежде всего, ключевым звеном в процессе формирования модели поведения является определение внутреннего содержания элементов нормы, а именно выбор технико-юридических (первичных правовых) средств, способных создать наиболее подходящую модель поведения для конкретной жизненной ситуации. В этом плане интерес для нас представляет не простой анализ гипотезы, диспозиции и санкции как элементов нормы, а непосредственное изучение их внутреннего строения. Дан-

ный вопрос уже был предметом нашего исследования,⁸ поэтому в настоящей статье мы лишь вкратце обозначим авторскую позицию по нему.

Полагаем, что составными частями гипотезы как структурного элемента, содержащего условия осуществления правил поведения (первичных правовых средств, установленных в диспозиции), выступают юридически значимые условия. Диспозиция как элемент нормы, содержащий одобряемый либо порицаемый государством алгоритм действий субъектов, направленный на непосредственное удовлетворение их интересов и потребностей, может включать: субъективные права, юридические свободы, властные полномочия, обязанности, запреты, ограничения, нередко правовые льготы. Многие из указанных средств, содержащихся в диспозиции, теоретически могут быть подвергнуты обобщению в определенные группы. Например, субъективные права, юридические свободы и властные полномочия могут вместе рассматриваться как дозволения (хотя применительно к властным полномочиям такой вывод несколько условен). Запреты, ограничения, а в ряде случаев и правовые льготы можно свести в группу нормативных изъятий. Отдельно можно выделить юридические обязанности (долженствования). Санкция по своему составу может быть представлена в виде указания на право требования реализации нормативно-установленных мер поощрения или указания на обязанность претерпевания нормативно-установленных негативных мер ответственности. Представляется, что отличительной особенностью санкции является связка права и обязанности с конкретными мерами, поскольку последние несут негативные (сверхпозитивные) последствия для субъектов, которые изначально не заданы в жизненной ситуации, т. е. их наступление всецело зависит от поведения сторон правоотношения.

Определение технико-юридических средств может заключаться как в их отыскании в выработанной судебной (иной юридической) практике, так и в создании технико-юридических средств «с чистого листа». При выборе технико-юридических средств необходимо учитывать специфику отрасли (института), к которой будет относиться создаваемая норма. В литературе не раз указывалось на проблемы построения норм с учетом специфики правового регулирования. Чего только стоит проблема определения минимального и максимального пределов наказаний в уголовно-правовых нормах.⁹ В гражданском праве — это проблема определения пределов свободы во взаимоотношениях сторон, возможности самостоятельно определять правила поведения и даже привлечения к гражданско-правовой ответственности, что также отражается на характере нормы (включение оговорок, ориентированность на автономию, самостоятельное принятие решений и т. д.). В процессуальном праве — четкая последовательность действий субъектов и т. д.

С нашей точки зрения, определение технико-юридических средств направлено на формирование целостной нормы, т. е. содержащей все необходимые средства для воздействия на поведение участников общественных отношений. На данном этапе важно не только определить вид технико-юридического средства, наиболее точно подходящего под конкретную жизненную ситуацию (например, выбор между запретом, обязанностью или ограничением), но и наполнить его конкретным инфор-

⁸ Илалутдинов А. И. Элементы нормы права и их внутреннее строение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 37–49.

⁹ Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ). Дис. ... к. ю. н. Н. Новгород, 2002. С. 223.

мационным значением (содержанием), эффективно воздействующим на сознание субъектов права. Однако и этого мало. Информационно-правовое значение нормы и ее отдельных средств должно подкрепляться эффективным механизмом воплощения в жизнь. Например, механизм реализации наказаний в виде домашнего ареста и обязательных работ изначально не был продуман¹⁰ и поэтому не получил должного развития в практике назначения уголовно-правовых наказаний.

Вторым заслуживающим внимания моментом является то, что в рамках стадии формирования модели поведения важно не только определить элементный (внутри элементный) состав нормы, но и соединить элементы нормы в единое целое через установление между ними разнообразных связей. На наш взгляд, в качестве межэлементных можно рассматривать формально-юридические, смысловые, целевые и функциональные связи.¹¹

Формально-юридическая связь элементов нормы заключается в их языковом единстве. Такая связь, как правило, достигается путем письменной фиксации элементов в единой составной части нормативного правового текста — предложении, пункте, абзаце, статье и т. д. Нахождение элементов в одной, единой для них текстуально-смысловой единице позволяет говорить о том, что элементы взаимосвязаны. Если же какого-либо элемента не содержится в тексте конкретного положения, то его следует искать посредством выявления иных связей.

Целевая связь означает направленность элементов на реализацию содержащейся в норме позитивной модели поведения. Например, диспозиция предполагает определенные условия для своей реализации, без которых осуществление прав и исполнение обязанностей порой просто неосуществимо. Аналогичным образом складывается ситуация между диспозицией и санкцией. Так, если санкция способствует выполнению какого-либо правила поведения, стимулирует его и имеет общий характер, то мы можем признать ее в качестве элемента нормы права, содержащего это правило поведения.

Смысловая связь заключается в единстве, взаимодополняемости и цельности информации, которую несут элементы. Поскольку лишь триединство элементов образует норму права, то отсутствие одного из них означает утрату словесной конструкцией юридического значения,¹² ее смысла. В философии смыслом называют то мысленное содержание, которое выражается и усваивается при понимании языкового выражения.¹³ Применительно к норме права содержанием выступает та информация, та идея, которую имеет норма. Следовательно, смысл нормы выявляется посредством раскрытия ее содержания, т. е. анализа информационных значений составляющих норму элементов. Представляется, что поскольку смысл нормы связан с языковым выражением, то уяснение ее содержания осуществляется путем исследования лексической, синтаксической и стилистической особенностей толку-

¹⁰ Там же. С. 207.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Илалутдинов А. И.* Межэлементные связи как проявление структуры нормы права // *Вопросы правоведения.* 2012. № 2. С. 30–41.

¹² *Чернышов С. В.* Нормативность права и правовая норма: проблема соотношения понятий // *Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право».* 2006. № 13. Вып. 8. Т. 2. С. 192.

¹³ *Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов.* М., 2001. С. 954.

емой нормы права.¹⁴ Именно анализ нормы через призму смысловых связей позволяет некоторым авторам рассматривать структуру как логико-семантическое строение.¹⁵

Функциональная связь заключается в необходимости наличия всех элементов для выполнения нормой своих функций, к которым можно отнести: 1) функцию отражения обычных и, следовательно, повторяющихся ситуаций; 2) функцию измерения, т. е. сравнения оцениваемого явления со «средним положением вещей»; 3) функцию систематизации, т. е. включения оцениваемого объекта или его отдельных свойств в систему представлений о естественном и, следовательно, закономерном для этого объекта положении дел; 4) функцию прогнозирования наиболее вероятного и поэтому ожидаемого исхода событий; 5) функцию регулирования в соответствии с прогнозируемым исходом или представлениями о должном.¹⁶ Например, вряд ли можно представить, что исполнение запрета (содержится в диспозиции нормы) может обойтись без установления неблагоприятных мер для его нарушителя. Закрепление таких мер способствует систематизации определенного действия в правовом поле, прогнозированию и регулированию поведения субъектов. Функциональные связи наиболее тесно связаны с системно-структурными представлениями о норме права, поскольку определяются исходя из модели нормы, взятой за основу для решения практических задач. В данном случае следует отметить, что функциональные связи во многом доказывают необходимость наличия в норме именно трех элементов, поскольку ни о каком регулировании либо прогнозировании ожидаемого поведения без гипотезы, диспозиции и санкции речи быть и не может.

Наконец, завершает стадию формирования модели поведения языковое выражение прототипа будущей нормы и его абстрактная интеграция в систему права. Последнее предполагает определение места нормы в системе права и сферы ее действия, объединение нормы в различные ассоциации с другими нормами и специализированными предписаниями (дефинициями, целями, презумпциями, декларациями и т. д.), включение прототипа в иерархию действующих норм, причем как вертикальную, так и горизонтальную, а также установление взаимодействия с иными правовыми регуляторами.

После формирования нормы права в идеальной форме она должна быть отражена в официальных текстах, иначе говоря, приобрести юридическую силу (второй этап). Здесь мы сталкиваемся с проблемой переноса идеальной нормы на язык права. При такой экстраполяции возникают два важных теоретических вопроса: 1) отграничение нормы права от нормативного правового предписания; 2) возможное искажение идеальной нормы и ее трансформация в реальную.

Не вдаваясь в дискуссию и подробный анализ существующих подходов, отметим, что, на наш взгляд, различие между нормой права и нормативным правовым предписанием необходимо проводить по нескольким критериям.

¹⁴ Колесник И. В. Языковой и логический способы толкования правовых норм в технологии правоприменительной деятельности арбитражного суда // Юрист-Правовед. 2010. № 3. С. 9.

¹⁵ Чугунов Ю. О. Норма права и правоотношение (вопросы теории). Дис. ... к. ю. н. Коломна, 2003. С. 61.

¹⁶ Ефанова Л. Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке (ч. 1. Структура нормативной оценки) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 2 (76). С. 43–44.

Во-первых, нормативные правовые предписания являются текстуальной формой выражения составных частей норм-правил, поэтому их следует рассматривать как форму содержания норм права; единство содержания и формы как раз и образует норму — правило поведения. Во-вторых, предписание является формой выражения не только норм права; в виде правовых предписаний воплощаются и иные правовые установления (например, принципы права), что свидетельствует о разном смысловом наполнении сравниваемых терминов. В-третьих, нормативное правовое предписание может включать в себя разный объем нормы права, в частности в нем могут найти отражение отдельные элементы нормы. Здесь в первую очередь прослеживается системный аспект, а именно сравнение нормы и предписания в категориях «целое» и «часть»,¹⁷ только частью выступает не правовое предписание, а элемент нормы, текстуально выраженный в законодательстве. Следовательно, у нормы права и нормативного правового предписания может быть различное содержательное наполнение, предопределяемое волей законодателя и правилами юридической техники. Отсюда вытекает и разный объем информации о модели поведения субъектов. Если норма права — это всегда полноценная модель (регулятор), содержащая все информационные значения поведения субъектов, то нормативное правовое предписание может отражать только часть этой модели. Наконец, природа нормативного правового предписания тесно связана с языком. Как указывает М. Л. Давыдова, нормативное правовое предписание выступает как цельная логико-грамматическая формула, которая не может быть раздроблена на несколько грамматических частей (предложений, фраз) даже в рамках одного акта. Следовательно, всякая логическая фраза может быть воспроизведена только с помощью предложения.¹⁸ Однако, выдвигая указанный тезис, М. Л. Давыдова делает оговорку о необходимости выделения в праве двух разновидностей предложений: коммуникативно-сильных, которые могут функционировать самостоятельно, и коммуникативно-слабых, которые входят в состав группы предложений. Из этого автор делает вывод о различной степени самостоятельности нормативных правовых предписаний в тексте закона. Часть из них содержит полноценные веления законодателя, другие могут быть поняты только в связке с иными.¹⁹ Результаты научного исследования М. Л. Давыдовой позволяют нам говорить о возможности различного смыслового и логического наполнения сравниваемых явлений. Например, изначально норма может задумываться одним образом, а прописывается в законодательстве несколько иначе, о чем свидетельствует законодательная практика Государственной Думы РФ. Описание проблемы несоответствия по смыслу нормы права и нормативного правового предписания можно найти в трудах В. Н. Бибило.²⁰

Таким образом, норма права и нормативное правовое предписание как явления правовой действительности не тождественны друг другу. Отличие между ними можно проводить по формально-содержательному, системному, функциональному критериям.

¹⁷ Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методология. С. 179–181.

¹⁸ Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Дис. ... к. ю. н. Волгоград, 2001. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Бибило В. Н. Проблемы юриспруденции. Избр. труды. Минск, 2010. С. 92.

Вопрос искажения смысловой направленности норм права в результате законодательной деятельности является сегодня одним из основополагающих для поступательного развития российской системы права. Данная проблематика, безусловно, носит многоаспектный характер. В настоящей статье мы не имеем возможности раскрыть ее в полной мере, но хотели бы обратить внимание ученых и практиков на то, что в последнее время участились случаи, когда на стадии принятия норм права должным образом не прорабатывается вопрос преобразования нормативной цепи, охватывающей разнообразные стороны складывающегося между субъектами общественного отношения. Так, структурное изменение либо принятие нормы права нередко влечет трансформацию смысловой направленности смежных норм. В качестве одного из таких примеров можно привести неудачную формулировку п. 8 ч. 1 ст. 320 Арбитражного процессуального кодекса РФ, обязавшего суды указывать во всех исполнительных листах реквизиты банковского счета взыскателя денежных средств по судебному делу. Напомним, что причиной недавнего изменения ст. 320 АПК РФ стало принятие закона о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. В связи с этим требование об указании банковских реквизитов должно было затронуть исключительно ситуацию присуждения такой компенсации. Лишь Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в АПК РФ»²¹ п. 8 ч. 1 ст. 320 АПК РФ был приведен в соответствие с первоначальной волей законодателя. В результате неудачного определения п. 8 была трансформирована обязанность по указанию необходимых сведений в исполнительном листе, она распространила свое действие на все исполнительные листы, выдаваемые судом.

С учетом сказанного мы можем сделать вывод о том, что процесс конструирования нормы права несет в себе сложные информационные взаимодействия. Дело заключается не только в столкновении разнообразных смыслов и суждений, но и в способности субъектов находить ответы на поставленные вопросы, правильно их излагать и интегрировать в сложившуюся систему права.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2014 г.

²¹ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4197.